

Религиозны ли устремления русского «религиозного андеграунда»?

История так называемого русского поэтического андеграунда («литературного подполья», «независимой», «неподцензурной», «второй литературы», «литературы нонконформизма»¹) начинается во время хрущевской оттепели, в период хотя и относительно либеральный, но, безусловно, атеистический и в целом не располагавший ни к глубоким религиозным интродукциям, ни к рефлексии.

Советская власть, осуществив еще в 1920–1930-е гг. геноцид по отношению к носителям церковно-исторической памяти (от духовенства до воцерковленной интеллигенции), практически за несколько десятилетий почти полностью уничтожила многие легальные формы церковной жизни в России. Примерно к 1940-м гг. сформировалось поколение советских людей, мало что знавшее и о религиозно-богословском образовании, и о живой традиции церковно-бытового семейного воспитания. Новое поколение, возвращенное на советских идеологических стереотипах, было отчуждено от осознанного церковного мировоззрения и от многовековой духовной культуры. Именно религиозное невежество оправдывало разрушение храмов, надругательство над священством, церковными книгами, иконами, узаконенное бытовое кощунствование. С.С. Аверинцев передавал рассказ «старушки деревенского происхождения... о том, как... местные комсомольцы в престольный праздник залезли на колокольню и поливали своей мочой крестный ход, т. е. собственных пап и мам, бабушек и дедушек...»². В школах, в вузах звучали сентенции о так называемых «религиозных предрассудках» выдающихся писателей прошлого, сами же религиозные темы, мотивы, образы в художественном творчестве вообще замалчивались. По свидетельству Т.А. Жирмунской, «очень удивились бы мои сверстники (школьники 50-х. — Л.Л.), и я вместе с ними, узнай мы... что великие русские поэты черпают вдохновение в некоем вековечном источнике»³ — в Библии.

В 1950-е гг. через творчество этих великих писателей, через классическую культуру и было возможно соприкосновение с религиозной духовностью. Сложилась странная ситуация. С одной стороны, русская литература нещадно «обрезалась» и искажалась идеологами, а с другой — она же, будучи культурой светской, исполняла в течение десятилетий навязанную ей роль мировоззренческого суррогата церковного мирозерцания (некой сакрализованной ценности). Она привносила в обезбоженное сознание туманные религиозные мифы и мифологемы из исторического прошлого, также окутанного тайной. В жестких условиях методологического монологизма классическая литература оставалась «недочитанной»,

«недоизданной», «недокомментированной», храня до лучших времен свои «тайны», в числе которых и ее христианские корни, и ее духовность.

О какого рода духовности может идти речь в период официального безверия? Очевидно, следует вспомнить о том, что во все времена духовную *направленность (вектор)* творчеству придает некое *чувство*, близкое к *религиозному*, которое ориентирует автора на абсолютные ценности. Поэтический дух, по свидетельству многих художников слова, стоит под знаком *религиозного начала – преображения*. Сын священника Варлам Шаламов в 50-е гг. в стихотворении «Поэзии» писал:

Ты ведешь мою душу
Через море и сушу,
Средь растений, и птиц, и зверей.

Ты отводишь от пули,
Ты приводишь июли
Вместо вечных моих декаблей.

Ищешь верного броду,
Тащишь свежую воду
К моему пересохшему рту.

И с тобой обрученный,
И тобой облученный,
Не боюсь, я иду в темноту.

И на небе — зарницы,
Точно перья жар-птицы
Неизвестных еще островов⁴.

Поэту изначально (даже в атеистическую эпоху) присуще религиозное восприятие самой поэзии и поэтического вдохновения. С религиозным восприятием поэзии связано религиозное восприятие красоты вообще, когда красота и величие природы – есть след Божественного начала. Немаловажно и то, что в поэзии *характер лирических переживаний может быть уподоблен религиозным настроениям* в разнообразии их интимно-психических оттенков. Стихи рождаются из особых – *молитвенных – движений души*, подобно таким чувствам, как покаяние, вера в милосердие Божие, надежда на спасение, христианская любовь, мистическое созерцание, пророческое прозрение...

Чувство поэтическое и чувство религиозное при всех различиях вырастают из общей основы – из поклонения, почитания, культа (от лат. kultus – «почитание»). Культ как способ взаимодействия с сакральным объектом дает человеку духовность, поэзия как явление культуры эту духовность воплощает в слове. (Из русских особенно интересно об этом писал еще в XVIII в. В. Тредиаковский, а в XX в. И. Бродский уверял: «Поэзия находится где-то на полпути между интуицией и откровением».)

Без сомнения, стихотворение под названием «Молитва» – это не самая молитва, но оно отражает то настроение, в котором человек готов молиться, оно настраивает душу на молитвенный лад. Вероятно, о Боге и вере лучше должен был бы писать тот, для кого Бог и вера – не абстракция, а живое чувство. Однако прямой зависимости здесь нет. В творчестве колоссальна роль непреднамеренного чувства, интуитивного предвидения, неожиданного прозрения. И порой оказывается, что поэт может искренне писать о Боге, не имея при этом глубокой личной веры.

Кстати сказать, о. Александр Мень был глубоко убежден в том, что «неверующих вообще нет. Никого! Каждый человек рождается с врожденным ощущением веры. Разница только в том, что один осознает и формулирует свою веру как некое мировоззрение, а другой инстинктивно верит. И только когда его прижмет очень, тут-то он и «выдает искру». Но неверующих нет. Поэтому человек, не имеющий религиозного мирозерцания, может быть полноценной личностью. Потому что в нем эти токи религиозные все равно живут. Более того, он впитывает их с традицией, впитывает с литературой. Даже в нашем обществе, которое было формально атеистическим, все равно в искусство это проникало через Достоевского, через Толстого, через Гоголя, через поэзию, музыку. Все наследие культуры русской и зарубежной подпитывало это полурелигиозное смутное мирозерцание. Все равно человек не перестает верить, что жизнь имеет смысл. Он чувствует это. Он может это как бы инстинктом ощущать. Если бы этого не было, он вообще не смог бы жить. Другое дело – размышлять над этим, создавать человеческие разумные определения, воплотить и отразить всю эту тайну – это совсем другое»⁵. Значит, существует форма интуитивной веры, так называемая внутренняя религиозность, которая наиболее ярко может проявиться в поэзии.

Вместе с тем история поэзии свидетельствует, что совсем немногие из больших поэтов были ортодоксально верующими людьми. И это, вероятно, связано с тем, что *поэт, укореняясь в вере, обращаясь к молитве, мог терять потребность в лирических излияниях, так как молитва вытесняла страстные чувства, составляющие содержание лирики.*

Лишь единичные духовные писатели, достигшие святости, открывали миру свои духовные переживания. Уникальный образец – Псалтырь. Из христианских же авторов, например, в IV в. стихи писал святой архиепископ Константинопольский Григорий Богослов, позднее, в XI в., в стихотворную форму заключал свои откровения еще один подвижник – преподобный Симеон Новый Богослов. Но такие высоты духа – удел святых. Путь же большинства поэтов, как правило, неоднозначен, неровен и зачастую противоречив. Между тем в лирической поэзии наблюдаются острейшие взрывы религиозного чувства. В определенные моменты жизни даже атеисты и богоборцы способны «из глубины души воззвать к Господу», как это делал некогда царь и псалмопевец Давид.

Русское поэтическое сознание в течение веков по-разному воспринимало и выражало религиозно-мистический опыт, соответствующие нравственные, эстетические идеалы, укорененные в библейских и христианских источниках. Относитель-

но религиозности в поэзии XVII – начала XX в., когда существовала возможность свободного самовыражения как *sacrum*, так и *profanum*, все более или менее ясно⁶. Что же касается взаимоотношений *sacrum/profanum* в литературе советского периода, то они еще далеко не выявлены и до сих пор остаются на периферии научных изысканий. Надолго закрепилось в сознании представление о тоталитарном вытеснении религиозной культуры культурой светской (точнее, советской с ее материалистической и атеистической мировоззренческой установкой). Вместе с тем процессы, происходившие в русском XX в., вполне позволяют поставить вопрос о сохранении *sacrum/profanum* для культурного сознания атеистической эпохи. Многолетнее изучение русской псалтырной поэзии свидетельствует о наличии некоей закономерности – внимание русских поэтов к Псалтыри актуализируется в определенные периоды: 1) в эпоху Смуты и утверждения стиха (Симеон Полоцкий «Псалтырь рифмотворная», 1680); 2) в эпоху становления новой русской государственности и новой светской литературы (в XVIII в. практически не существовало поэтов, не переложивших стихами псалма); 3) в период хрущевской оттепели («Псалмы» Г. Сапгира⁷); 4) во время развала Советского Союза (сейчас, как и в XVIII в., Псалтырь заново перелагают стихами: С. Аверинцев⁸, Н. Гребнев, Игн. Ивановский, многие другие). В 80–90-е гг. нет поэта без своего псалма, псалтырной реминисценции, «памяти о псалме». Изучение русской поэзии XX в. дает основание говорить о значимости такого сакрального текста, как Псалтырь, ушедшего в советское время в литературное «подполье», но не утратившего своих позиций в деле сохранения и развития традиции *sacrum/profanum* в русской лирике.

Где истоки современного «псалтырного бума», всеобщей обращенности к религии, к библейским темам, мотивам, образам? – Очевидно, в так называемом «религиозном андеграунде». Само понятие «религиозный андеграунд» сформировалось и стало широко употребительным к концу XX в. Оно охватывает определенные явления подпольной литературы советского времени (1950–1980-х). При этом наиболее активны в употреблении этого словосочетания сами «подпольщики», использующие его в своих интервью и воспоминаниях. Возникает вопрос: в какой степени религиозен русский поэтический андеграунд, что характерно для его раннего этапа – 50–60-х гг.?

Андеграунд, как известно, производное от англ. *underground* – *подполье, подземелье*. Как поясняет в своем словаре С.И. Чупринин – это «совокупность литературных явлений, манифестирующих себя как безусловно профессиональное искусство, но эстетически или идеологически несовместимых с официально признанной словесной культурой, а потому и не представленных (непредставимых) в легальной печати»⁹.

Андеграунд начала 1950-х определяется деятельностью стихийно возникших полулегальных литературных групп, кружков, эстетически устремленных к модернистским, авангардистским традициям начала XX в., которым не чужды и религиозные порывы. Поэты этих полулегальных объединений, действительно, почти не представлены в официальной прессе, но об антисоветской манифестальности

пока речь не идет¹⁰. Попытаемся определить, выполняла ли религия хоть какую-то роль в самоопределении этих групп и каковы (если они были) религиозные устремления 1950-х?

Предтечей поэтического андеграунда стал сформировавшийся на рубеже 1940–1950-х гг. кружок, объединивший ленинградских поэтов и художников. Общепризнанным лидером кружка стал нищий, больной наркоман и талантливый поэт *Роальд Мандельштам* (1932–1961), буквально погруженный в петербургскую (акмеистическую и символистскую, особенно блоковскую) поэзию начала XX в.

Облаков золотая орда
Ждет пришествия новой зари.
В предрассветных моих городах
Золотые горят фонари¹¹.

Главный герой его стихотворений – мистический Петербург, улицы которого «проветрены и простужены», а «колокольни молят о богах». «Мокрый» город, «бредящий о заре», роняющий «в лазоревые лужи золотые цепи фонарей»¹², очень повлиял на современников-живописцев (В. Шагин, Н. Жилина, А. Арэфьев, Р. Васми). Р. Мандельштам вместе с соратниками попытался наметить связи между своим творчеством и Серебряным веком, обращаясь к его романтизму, поэтическому мистицизму.

Когда сквозь пики колоколен
Горячей тенью рвется ночь.
Никто в предчувствиях не волен.
Ничем друг другу не помочь.
О, ритмы древних изречений!
О, песен звонкая тщета!
Опять на улицах вечерних
Прохожих душит темнота.
Раздвинув тихие кварталы,
Фонарь над площадью возник –
Луна лелеет кафедралы,
Как кости мамонтов – ледник¹³.

Христианские, религиозные ценности здесь пока не востребованы, они воспринимались лишь как часть утраченной, утаенной культуры. Да и само обращение интеллигенции к религии в это время происходило не столько в результате чтения Священного Писания или общения с православными священниками, сколько через Вл. Соловьева, Д. Мережковского, А. Блока.

Значит, в момент формирования поэтического андеграунда религиозные устремления не имели самостоятельного значения, они скорее выражали интерес к духовным поискам поэтов конца XIX – начала XX в., являя, таким образом, попытку возрождения утраченного. При этом импульсом религиозного порыва

выступала русская классическая литература (Гоголь, Толстой, Достоевский) и литература полузапрещенная (Хлебников, Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Цветаева, Пастернак, другие). Интересы Р. Мандельштама и его единомышленников преимущественно направлены на модернизм Серебряного века.

Иной по своим устремлениям была московская полулегальная группа 50-х гг., получившая название «*Мансарда*». Ее руководитель тогда студент библиотечного факультета, человек необычайно энергичный – *Леонид Чертков* (1933–2000), библиофил, архивист, эрудит, ценивший творчество символистов и авангардистов (из кубофутуристов – Хлебникова, из обэриутов – Заболоцкого). Членами группы были студенты Московского института иностранных языков: впоследствии замечательный переводчик Андрей Сергеев, человек необычной судьбы Станислав Красовицкий, утонченная поэтесса Галина Андреева, а также Валентин Хромов, Олег Гриценко. Некоторое время к группе примыкал *Николай Шатров* (1929–1977)¹⁴, чьи стихи особо ценил Б. Пастернак. В основном группа ориентировалась на Запад, на англоязычную литературу и философию. Религия ее фактически не интересовала. Однако у Шатрова и Черткова были свои пристрастия и предвидения. Н. Шатров (в скором времени его близким другом и духовником станет о. Александр Мень) уже в 1952 г. пишет о том, как сложно «Поверить в Бога и познать себя», он молитвенно обращается к Господу (перекликаясь со стихами 132-го псалма):

Не осуждай поэта, о Создатель!
За то, что он родился, дуралей...
И таинство святое благодати
На голову нехитрую пролей!¹⁵

Л. Чертков с его внутренним диссидентством изначально понимал:

По дорогам уснувшей смешной страны,
Где собор как ночной колпак,
Я уйду поискать иной тишины...¹⁶
1953

Действительно, «поискать иной тишины» пришлось: в январе 1957 г. Чертков был арестован, обвинен в антисоветской пропаганде, получил пять лет, отбывал наказание в Дубравлаге (Мордовия). Он предвидел свой последний «страшный суд» и был к нему готов:

Я не стану просить заседательской жалости
И найду, что в последнем слове сказать¹⁷.

Эти не очень часто встречающиеся отголоски и коннотации религиозной образности – свидетельства колоссальных утрат поэзии советского периода в сравнении с поэзией Серебряного века. Но они же – преддверие той религиозной

образности, которая взрастет во второй половине 1970-х и расцветет пышным цветом в 80–90-е. Слабы, почти не ощутимы христианские, религиозные устремления в поэзии 1950-х, зато какие встречаются поступки!

Совершенно невероятной для советской эпохи оказалась судьба и поведенческая стратегия еще одного мансардного поэта – *Станислава Красовицкого* (р. 1935), которого Ахматова, по преданию, назвала гениальным, а Бродский – своим учителем. Красовицкий закончил первую английскую спецшколу, готовившую кадры для дипломатического корпуса, а затем блестяще Московский институт иностранных языков. Ему прочили благополучную карьеру (шутили: будет послом в США). Во второй половине 1950-х гг., по воспоминаниям Андрея Сергеева, «будущий посол» воспринимался в качестве одного из наиболее интересных поэтов «Мансарды». Сам Красовицкий подчеркивал: «Печататься я не собирался и не хотел, у нас даже была такая установка»¹⁸. Но стихи писал, ориентируясь на экспериментальные словесные поиски русского авангарда, – и «по-маяковски», и «по-крученовски»:

Мадригал Церкви Покрова на Нерли

Вель — это губы любви
Лернь — Покрыва на Нерли.
Верь — это Зубы любви —
Золото, Рви, в Погорель.
Верь — это любви свои.
Золото зорото Верь,
Золото зорото льни.
Вель — это щубы свои.

Верь — это губы любви
Невь — Покрыва на Нерли
Верь — это любви свои
Вецль¹⁹ — в заклинаньях любви
цвет — это чудо любви
Тверь в заклинаньях своих.
цель — это чудо любви,
Золото, Веррь/сия/ — цвет²⁰.

Сам поэт о своих литературных пристрастиях скажет: «Мы выбирали классику и высокий авангард». Особенно ценились «Анненский, Маяковский, мимо Мандельштама я как-то прошел... Лермонтов, Пушкин, Батюшков, Фет»²¹. Правда, эти признания будут сделаны только в наши дни. А в начале 1960-х вдруг произошел резкий слом – поэт отказался от всего написанного и обратился к *религиозной деятельности* (Александр Добролюбов, напомним, в начале XX в. отказался от написанного и обратился в сектантство). Станислав Красовицкий стал священ-

ником Русской зарубежной православной церкви – отцом Стефаном и надолго замолчал как поэт (вот, вероятно, именно тот случай, когда молитва вытеснила литературу), но совсем недавно он вернулся в поэзию, стал публиковать свои новые стихотворения – сугубо духовного содержания:

Я отказался от дороги
 В веселую беседку муз.
 В единстве Чаши,
 В Личном Боге
 Я вижу Тройческий Союз²².

Красовицкий – яркий, но и, пожалуй, единичный в поэзии пример того, как в тоталитарный период (период полного запрета на свободу религиозной жизни) личность, стремясь сохранить или вновь обрести веру, оказалась способна к добровольному смирению, восстановлению потребности души в покаянии, к обретению внутренней стойкости в попытке понимания смысла своего прихода в мир. Получается, что человек может дорасти до веры в Бога, когда он начинает понимать, что ни скептический атеизм, ни агностицизм не являют собой высшего уровня познания: когда он осознает, что за отрицанием Бога, за фальшивыми концепциями и хаотическими понятиями Бога лежит реальность, которая и есть Бог. Сейчас Красовицкий не хочет, чтобы мы читали его стихи 50–60-х гг., потому что там слишком «много самовыражения». Он служит священником прихода (огромный район в 18 тыс. кв. км) в Карелии и занимается историей России, историей ее христианизации. Таковым оказался путь этого удивительного человека.

К концу 1950-х сложился и так называемый *лианозовский кружок* – дружеское объединение московских поэтов и художников (поэты Генрих Сапгир, Игорь Холин, Ян Сатуновский, Всеволод Некрасов, художники Оскар Рабин, Николай Вечтомов, Лидия Мастеркова, Владимир Немухин, художник и поэт Лев Кропивницкий). Молодые люди собирались в подмосковном Лианозове у *Евгения Кропивницкого* (1893–1979) – умудренного жизнью «барачного» философа, соединявшего в своей деятельности живопись, музыку, поэзию, а в поэзии – быт и бытие:

Иду я в сутолоке мира,
 Иду к загадочной черте.
 И надо мною звезд порфира,
 Их кто-то, бросив, завертел.

Земной уют уныл, ненастен,
 И под окном собачий вой.
 И неужели ж я причастен
 К великой тайне мировой?!²³
 1944

К середине 60-х лианозовцы – поэты-конкретисты (они же детские поэты), «госкуя по мировой культуре», начали писать свои... молитвы и псалмы. По наблюдениям О.В. Чепурной, «в 1960-е годы религиозный поиск советских интеллектуалов начался с классических религиозных и философских текстов. Это были прежде всего сборник «Вехи», гимназические учебники «Закона Божия», некоторые книги русских религиозных философов начала века»²⁴. Но самым знаменательным становится то, что поэты андеграунда принялись читать Библию, особенно Псалтырь и молитвенники. И этот почти совсем забытый библейский мир, воспринимаемый теперь как экзотический, получал выражение в творчестве. Так, Игорь Холин (1920–1999) не просто использовал молитвенные элементы в поэтике, но и создал свой вариант «Отче наш»:

Отче наш
 Сущий
 На небесах
 Да святится
 Имя Твое
 Да придет
 Царствие Твое
 Да будет
 Воля Твоя
 И на земле
 Как на небе²⁵

Б. Колымагин подчеркнул, что «в годы хрущевских гонений и застоя, во времена господства новояза... русифицированный перевод молитвы Господней «Отче наш» Игоря Холина звучал поэтически очень сильно»²⁶. Друг Холина Генрих Сапгир (1928–1999) в середине 1960-х написал 14 стихотворений-псалмов, где оксюморонно соединил древний текст с современным советским бытом:

1. Блажен муж иже не иде на соборища нечестивых,
 Как то:
 не посещает собраний ЖАКТа
 и кооператива,
 не сидит за столом президиума –
 просто сидит дома.
2. Соседи поднимают ор –
 не вылезает в коридор
 (не стоит на пути грешных)...²⁷

Религиозны ли устремления лианозовцев – Холина и Сапгира? Очевидно, нет. Но вместе с тем «молитвенно-псалтырная» лирика «барачных» поэтов 1) показывала способность поэтов видеть и слышать современный мир в связях с различ-

ными традициями, библейскими в том числе; 2) демонстрировала смелое пренебрежение советскими идеологическими запретами; 3) давала богемное ощущение внутренней свободы и словесной вольницы.

Итак, складывавшиеся полулегальные группы «второй литературы» (не столько духовная, сколько душевная, дружеская общность) были идеологически и эстетически еще не особенно сплочены, а потому и не стремились пока к литературным манифестациям. Роль религии в их самоопределении фактически была нулевой. Совершенно очевидно, что формирующийся андеграунд поначалу не интересовался ни религией вообще, ни христианством в частности.

Победа Советского Союза в великой войне (1945) и смерть диктатора (1953) как бы завершили один из наиболее трагических периодов советской истории. Кажется, открывались перспективы новой жизни, в которой вновь надо было осмыслить себя через историю, культуру, литературу. Отсюда рост интереса к своему культурному прошлому, а через него и к религиозным поискам. «Представление о Боге возвращалось... вместе с ощущением жизни»²⁸. Жизнь и Бог становились синонимами. Но открывшиеся было шлюзы вскоре закрылись. Сама же способность думать, видеть, слушать, анализировать окружающий мир стала необратимой и, не имея возможности функционировать открыто, продолжилась в подполье, уйдя во вторую культуру.

Устремления андеграунда 50–60-х гг. вряд ли стоит считать религиозными – это пока еще самые общие устремления к духовности как таковой. Вспомнили о самом понятии «духовность» (кстати, ни в одном словаре не содержалось его определения), которое, в понимании андеграунда, включало в себя все: культуру, политическую деятельность, свободный обмен мыслями, религию... Вспомнили и о том, что духовность соотносится с Духом, а Дух – это и мышление, и сознание, и воля человеческая, то есть весь многообразный континуум, который составляет особенность человека. Понятие духовности стало постепенно возвращаться в общественное сознание. Духовность, осознаваемая как интенция личности к вечным ценностям, становилась началом обретения человеком самого себя, утраченного в процессе материалистического самоотчуждения. Отсюда уже недалеко было и до уразумения того, что самая мысль человека отображает Мысль космическую, сознание человека отображает космическое Сверхсознание, духовность человека связана с высшим духовным планом Бытия. В книгах Священного Писания можно было прочитать: духовность человека заключается в том, что он есть образ и подобие Творца, и когда человеческая духовность приходит в состояние дисгармонии со своим первообразом, это влечет за собой нравственные недуги и нравственную гибель. Но это уже в большей степени характеризует 1980-е гг.

Духовность же русского поэтического андеграунда 50–60-х гг. пока что имела мало общего с христианским ее пониманием – как проявления таинственного действия Духа Святого; она скорее предполагала раскованность, раскрепощенность – внутреннюю свободу, смело пренебрегающую официальным идеологическим диктатом.

¹ См.: *Савицкий С.* Андеграунд (История и мифы ленинградской неофициальной литературы). М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 17–51.

² *Аверинцев С.* Солидарность поколений как фактор гражданской свободы. [Электронный ресурс] <http://orthodoxy.org.ua/page-304.html>

³ *Жирмунская Т.* «Ум ищет божества...» Библия и русская поэзия XVIII–XX вв. М., 2006. С. 6.

⁴ *Шаламов В.* Среди других имен: Сборник. М.: Московский рабочий, 1990. Цит. по: <http://antology.igrunov.ru/authors/shalamov/1085584622.html>

⁵ Отец Александр Мень отвечает на вопросы. [Электронный ресурс] http://www.krotov.info/library/m/menn/4_vopr_02.html

⁶ См.: *Луцевич Л.* Псалтырь в русской поэзии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002; *Русская псалтырная поэзия XVIII в.* Варшава, 2004.

⁷ См.: *Луцевич Л.* О роли псалмов в поэзии (Ян Кохановский, Симеон Полоцкий, советский авангард 60-х гг.) // *Literatura I literaturoznawstwo na styku kultur Polski I Rosji. Inspiracje, więzi, animojuje.* Studia Rossica. XIII. Warszawa, 2003. S. 29–40; Псалтырное слово в современной поэзии. «Псалом 1» Генриха Сапгира // Роль сакрального слова в становлении русской светской поэзии. *Studia Rossica. Poznaniensia. Z. XXXI.* Poznan, 2003. S. 35–44; Псалмы Генриха Сапгира // История, культура, литература. К 60-летию С.Ю. Дудакова. Иерусалим, 2004. С. 235–244.

⁸ См.: *Луцевич Л.* Поэтическая интерпретация псалтырного текста (С.С. Аверинцев) // *Hudozhestvennyj tekst. Vosprijatije. Analiz. Interpretacija.* № 4. Vilnius, 2004. S. 19–26.

⁹ *Чупринин С.* Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям: Словарь. [Электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru/znamia/red/chupr/book/andegr12.html>

¹⁰ Стоит упомянуть о том, что в андеграунде этого периода оказались не только произведения до сих пор мало кому известных второстепенных поэтов, но и лирика А. Ахматовой, и пастернаковские «Стихи Юрия Живаго» (некоторые стихотворения опубликованы в журнале «Знамя» в 1954 г.), и написанная в 1949–1953 гг. во Владимирской тюрьме поэма Д. Андреева «Ленинградский Апокалипсис», оказавшая большое влияние на неофициальную культуру, и религиозная поэзия В. Шаламова («Прямо к Богу черным ходом / Вечером пойду»; «Я, как Ной, над морской волною / Голубей кидая вперед») и А. Тарковского («Сам не знаю, что со мною: / И последыш и пророк, / Что ни сбудется с землею / Вижу вдоль и поперек»), а также некоторые стихи Н. Заболоцкого и мн. др. Этих явлений пока не будем касаться, так как они требуют особого разговора.

¹¹ Антология новейшей русской поэзии «У Голубой лагуны». Составители К. Кузьминский, Г. Ковалев. Цит. по: <http://kkkbluelagoon.nm.ru/tom1/mandelstam.htm>

¹² *Роальд Мандельштам.* [Электронный ресурс] http://www.rvb.ru/np/publication/01text/09/01r_mandelstam.htm

¹³ *Мандельштам Р.* Алый трамвай. СПб., 1994. Цит. по: http://lib.luksian.com/text/r/poetry_x/124/

¹⁴ *Шатров Н.* Стихи. Нью-Йорк: Аркада-Arch, 1995; *Шатров Н.* Переводы из себя. М.: Третья волна, 2000; *Шатров Н.* Неведомая лира. Избранные стихотворения и поэмы. Томск – М.: Водолей Publishers, 2003.

См. о нем: *Алейников В.* Присутствие Шатрова // НЛО. 1997. № 24. С. 313; *Давыдов Д.* Поэт, изменяющий вещи // НЛО. 2003. № 63; *Пархоменко Г.* Рыцарь в неснимающих-ся лагах, или Миф о неведомом поэте. М., 2004.

¹⁵ *Николай Шатров*. [Электронный ресурс] <http://www.rvb.ru/np/publication/01text/08/01shatrov.htm>

¹⁶ Цит. по: <http://antology.igrunov.ru/authors/chertkov/1081417341.html>

¹⁷ *Леонид Чертков*. [Электронный ресурс] <http://www.rvb.ru/np/publication/01text/04/02chertkov.htm>

¹⁸ Станислав Красовицкий: «Неинтересные стихи – это дефект, который ничем не исправишь» // Зеркало. Литературно-художественный журнал. 2002. Сентябрь. № 21–22.

Однако один перевод из произведений «оксфордского поэта» С. Дэй-Льюиса, сделанный Красовицким, был опубликован в сборнике институтского литобъединения «Наше творчество» (№ 2, 1958). Несколько стихотворений вошли в «Феникс» (перепечатаны в «Гранях» № 52, 1962). Поэма «Выставка» опубликована в «Аполлоне-77». (По: <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom1/krasovitsky.htm>)

¹⁹ ψ – средняя между Ш и С (по рукописи). См.: <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom1/krasovitsky.htm>

²⁰ Антология новейшей русской поэзии «У Голубой лагуны». Составители К. Кузьминский, Г. Ковалев. Цит. по: <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom1/krasovitsky.htm>

²¹ Станислав Красовицкий: «Неинтересные стихи...»

²² Там же.

²³ *Евгений Кропивницкий*. [Электронный ресурс] http://www.rvb.ru/np/publication/01text/05/01kropivn_e.htm

²⁴ *Чепурная О.* Неохристианская этика протеста советских интеллектуалов // Неприкосновенный запас. 2003. № 6 (32).

²⁵ *Холин И.* Избранные стихотворения. [Электронный ресурс] <http://nattch.narod.ru/igorholyn.html>

²⁶ *Колымагин Б.* Русская религиозная поэзия андеграунда (Петербург – Москва) // Крещатик. 2003. № 19.

²⁷ *Сангур Г.* Избранное. М. – Париж – Нью-Йорк: Третья волна, 1993. Цит. по: http://www.krotov.info/lib_sec/18_s/sap/gir.html

²⁸ Самиздат Ленинграда. 1950–1980-е. Литературная энциклопедия. Под общей редакцией Д. Северюхина. М.: Новое литературное обозрение, 2003.